

Стоило Мо Шу и Мо Яню замолчать, как в зале воцарилась тишина столь густая и тягучая, что само дыхание давалось с трудом.

Дунхэ Си слушал всё это с полным безразличием, да и сами виновники едва ли испытывали уколы совести, однако Ван Хунло, наложница Чэнь, Дунхэ Фэй и Дунхэ Цин невольно ощутили горечь сопричастности.

«Если они умрут, будут ли их дети так же страдать от жестокости родни, как Си-гэ'эр?»

«Если их защитники покинут этот мир, познают ли они сами ту же участь, оказавшись во власти Старшего господина и Старшей госпожи?»

Раньше, слыша об этих делах краем уха, они не придавали им значения. Мало ли что болтают? Ни у кого и в мыслях не возникало заступиться или хотя бы сказать слово в защиту сироты. Но теперь, когда слуги слово за словом воссоздали картину прошлого, когда разрозненные обиды сложились в единое целое, их охватил истинный ужас.

Неужели всё это время, пока они равнодушно отворачивались или безучастно наблюдали со стороны, за спиной юноши творилось такое беззаконие?

За исключением Дунхэ Фэна и Цю Вань, каждый в зале невольно задался вопросом: стоило ли им просто смотреть, как это происходит?

В конце концов, Си-гэ'эр был их плотью и кровью.

Для самого Дунхэ Си, привыкшего к суровым реалиям иного мира, это не казалось чем-то из ряда вон выходящим, но для прочих отпрысков семьи Дунхэ подобные лишения были вопиющей несправедливостью.

И если Ван Хунло и остальные лишь сокрушались о собственной участи, то для дедушки и бабушки этот рассказ стал ножом, вонзенным прямо в сердце.

Когда Третий сын и его супруг были живы, разве делили они домочадцев на своих и чужих?

Не говоря уже о братьях и невестках, даже младшее поколение никогда не было обделено. Что покупали для Си-гэ'эра, то в избытке доставалось и остальным. Каждое подношение, каждый подарок делились на всех поровну.

А слуги? Стоило в доме случиться какому радостному событию, как супруг Третьего господина одаривал всю прислугу без исключения. За провинности он наказывал мудро, предпочитая

наставление порке. По сравнению с другими богатыми домами, где хозяева при малейшей оплошности пускали в ход палки, жизнь в поместье Дунхэ была для прислуги сущим раем.

Но вспомнил ли кто-нибудь из них о доброте покойной четы?

Когда их единственный сын подвергался унижениям, не только слуги, но и ни один кровный родственник не посчитал нужным вмешаться.

Допустим, они боялись гнева Старшего господина и его жены, в чьих руках была власть над домом. Но разве они не могли найти случая и шепнуть слово двум старикам?

Нет, они не просто молчали — они помогали скрывать правду, из-за чего Дунхэ Минь и Бай Ин два года пребывали в блаженном неведении.

А сам Си-гэ'эр при встречах лишь кротко улыбался. Теперь старики понимали: он видел, как тяжело они переживают гибель его отца и брата, видел их слабое здоровье и не желал тревожить их покой своими бедами.

И за эту доброту с племянником обошлись столь подло?

Бай Ин не выдержала. Слезы покатались по её морщинистым щекам. Она снова порывисто схватила руку Дунхэ Си, крепко сжимая её, словно боясь отпустить.

Будь Третий сын жив, разве посмел бы кто тронуть Си-гэ'эра? Будь они живы...

Горе и гнев застилали ей взор. Она медленно обвела взглядом присутствующих. Вот они, её дети и внуки — одни истязали родного племянника, другие холодно взирали на это. Сердце Старой госпожи сжалось от боли и невыносимого холода, сковавшего душу.

В отличие от беззвучно плачущей супруги, глава семьи был в ярости. Дунхэ Минь с силой ударил ладонью по подлокотнику кресла, и звук этот эхом отозвался под сводами зала.

— Славно, просто славно, Старший! — в голосе старика клокотала невыносимая горечь. — Так вот, значит, как вы исполняете свой долг? Забыли, как Третий брат и его супруг почитали вас при жизни? Разве хоть в чём-то они обделили вас или ваших детей? На каждый праздник всё, что было у Си-гэ'эра и Сюаньюя, доставалось и остальным младшим. Не прошло и двух лет с их смерти, чужаки еще не успели сказать о них дурного слова, а собственные кровные родственники уже всю травят их сына!

Старик тяжело перевел дыхание, его взгляд, полный презрения, пронзил каждого в зале.

— Вы все... вы все стоите друг друга!

Да, Дунхэ Фэн и его жена были виновны в жестокости, но разве те, кто молча наблюдал, заслуживали прощения?

В глазах Дунхэ Миня, повидавших за долгую жизнь немало бед, отразилась бесконечная пустота.

Он начинал свой путь простым уличным разносчиком, терпел насмешки и пренебрежение, по крупицам собирая это огромное состояние. Ради чего? Ради того, чтобы его семья ни в чём не нуждалась, чтобы у них всегда была сытная еда, добротная одежда и надежная крыша над головой. Чтобы близким не приходилось грызться друг с другом из-за медной монеты.

Он не хотел, чтобы его дети познали ту нужду, через которую прошел он сам. Но он забыл, что золото туманит разум. Быть может, богатство меняет людей куда сильнее, чем бедность.

В одно мгновение Старый господин словно постарел на десять лет. Его руки заметно дрожали.

Все эти годы он старался держать чашу весов в равновесии, не выделяя никого из четверых детей. То, что получали сыновья, получали и дочери. Приданое дочерей ничем не уступало средствам, выделенным на женитьбу сыновей. Более того, опасаясь, что в чужих домах их могут притеснить, он давал им сверху немного серебра на личные нужды.

Он уже всё решил: когда придет время им с женой уйти в мир иной, наследство будет разделено поровну. Чтобы никто не чувствовал себя обделенным.

Когда родился Старший сын, они жили в великой нужде и хлебнули немало горя. Поэтому, разбогатев, он позволял супруге баловать первенца чуть больше остальных. Но только до тех пор, пока это не ущемляло интересы других детей.

Шли годы, дело процветало, а сами они старились. Сначала он доверил дела Старшему, но не прошло и полугода, как тот умудрился не только потерять более десяти тысяч лянов серебра, но и перессориться со всеми приказчиками и партнерами.

Скрепя сердце, он передал ведение дел младшему сыну. Но сделал он это лишь для того, чтобы Дунхэ Фэн окончательно не пустил состояние по ветру, а вовсе не из желания оставить его ни с чем.

Обсуждая наследство с женой, он решил: младший будет управлять делами, но доходы братья будут делить поровну. Даже если у замужних дочерей или гэ'эр возникнут трудности, младший брат обязан был безоговорочно помогать им из семейной казны.

Он не знал, дошли ли эти мысли до Старшего, но заметил, что тот начал всё чаще перечить брату. Пытаясь избежать вражды, старик призвал обоих к себе и спросил Старшего прямо: хочет ли он снова попытать удачу в управлении лавками или же желает получить серебро и

распоряжаться им по своему усмотрению на стороне?

Фэн выбрал серебро.

Старик знал, что сын решил заняться торговлей шелком, рассчитывая на богачей из города Хайань. Он не верил в успех этого предприятия, и не ошибся. Лавка едва открылась, как оказалась на грани разорения. Лишь благодаря тайной помощи младшего брата, который не желал позора для Старшего, дело не прогорело в первый же год. И всё равно те лавки не приносили прибыли, требуя ежегодных вливаний.

Старший сын не знал об этом, но отец слышал всё от своих старых друзей. Тогда он лишь сокрушался, что Фэн не рожден для торговли, и радовался благородству Дунхэ Цзюня.

И вот теперь Цзюнь мертв, а его единственный сын, оставшийся сиротой, терпит издевательства от родного дяди и его жены.

Дунхэ Минь бессильно откинулся на спинку кресла. Он никак не мог взять в толк: почему Старший так ополчился на племянника-гэ'эра, который всё равно рано или поздно уйдет в другую семью?

Впрочем, за десятилетия жизненных бурь он научился видеть людей насквозь. Он прекрасно понимал причину.

Всё из-за того, что управление делами перешло к Младшему. Всё из-за того, что Старая госпожа передала ключи от хозяйства супругу Третьего сына, обойдя Старшую невестку.

Старик замолчал, и в зале снова повисла гнетущая тишина.

Ван Хунло и остальные, чувствуя вину, виновато поглядывали на Дунхэ Си. Дунхэ Фэн же и Цю Вань хранили на лицах выражение полнейшего равнодушия.

Подумаешь, немного урезали расходы и отослали пару слуг! Разве это мучения? Он не голодал, не жаждал и не мерз. В других домах с неугодными родственниками обходятся куда круче — Си-гэ'эру еще грех жаловаться. Конечно, вслух они не осмелились произнести ни слова, лишь ниже склонили головы, пряча истинные чувства.

Прошло немало времени, прежде чем глава рода нашел в себе силы заговорить. Он посмотрел на юношу, который всё так же спокойно потягивал чай, и спросил:

— Си-гэ'эр, чего ты хочешь?

Старик видел: внук затеял всё это не просто так. Возможно, поначалу он и не понял намерений

мальчика, но теперь, успокоившись и поразмыслив, начал о чём-то догадываться. Он хотел знать, какова истинная цель этого юноши.

Дунхэ Си поставил чашку. Его взгляд, холодный и ясный, скользнул по лицам присутствующих и остановился на деде. Он не отвел глаз, глядя прямо на Старого господина, и отчетливо произнес каждое слово:

— Дедушка, я требую раздела имущества. Я хочу отделить Вторую ветвь нашего рода.

<http://bllate.org/book/15311/1354344>